

УДК: [811.161.1:811.111]'367:81'44
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-25-42

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ НЕПРЯМЫХ НОМИНАЦИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.И. Кюсе

Московский государственный лингвистический университет,
ул. Остоженка, 38, г. Москва, Россия, 119034

Исследование посвящено изучению особенностей синтаксического оформления окказиональной непрямой номинации в тексте в разноструктурных языках, русском и английском. Полученные данные позволяют уточнить роль предикативности в реализации салиентных единиц, семантика которых связана с образностью и имплицитностью; при этом обнаруженные типологические различия указывают на особые способы и средства синхронизации предикативности и салиентности в сопоставляемых языках. Актуальность исследования обусловливается необходимостью решения проблемы успешного распознавания референции текстовых образных единиц, что во многом связано именно с привлечением к ним дополнительного внимания читателя. На первом этапе проведенный статистический анализ позволил обнаружить некоторые типологические характеристики рассматриваемых номинаций, что проявляется в частотности тех или иных синтаксических позиций их оформления. На втором этапе с помощью анализа корреляций по 54 и 56 параметрам для русского и английского языков выявлены лексические, синтаксические и нарративные параметры оформления окказиональной непрямой номинации, синхронизированные с синтаксическими позициями номинации, а именно с позициями ядра субъекта и предиката. К числу параметров, демонстрирующих типологически значимые различия в оформлении окказиональной непрямой номинации в субъекте предложения в английском языке по отношению к русскому языку, отнесем: 1) использование субстантивного атрибута в препозиции, 2) положение в последнем слове предложения с участием инверсии с предикатом в препозиции. Для позиции в предикате характерно: 1) использование морфологически мотивированных не прямых номинаций, 2) наличие выраженной экстероцепции в номинации, 3) проявление характеризующего фокуса (т.е. использование метафоры в отличие от метонимии), 4) неагентивность референта в предикате, 5) сниженная орфографическая маркированность номинативного предиката.

Ключевые слова: окказиональная не прямая номинация, синтаксические позиции, салиентность, параметризация, русский и английский языки

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: НОМИНАТИВНОСТЬ — ПРЕДИКАТИВНОСТЬ — САЛИЕНТНОСТЬ

Проблема оформления окказиональной непрямой номинации в тексте в отечественной лексической и синтаксической семантике традиционно рассматривалась в аспекте номинативности и предикативности. При этом исследование номинативности и предикативности «шло по пути» постепенного привлечения к анализу семантики синтаксиса лексической семантики членов группы подде-

жащего и сказуемого (синтаксического субъекта и предиката) и концептуальной семантики слов, высказываний и текстового фрагмента в целом. Так, на смену логическим критериям разграничения номинации и предикации (см. положения работ Н.И. Греча, И.И. Давыдова, П. М. Перевлесского и др.) пришли психологические критерии (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Д.Н. Овсянко-Куликовский, Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, С.И. Бернштейн, Л.С. Выготский и др.), логико-семантические критерии (Ю.Д. Апресян, Я.Г. Тестелец, В.А. Плунгян, Е.В. Падучева, И.А. Мельчук и др.), функциональные и коммуникативные критерии (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, С.Г. Ильенко, А. Мустайоки и др.), когнитивные критерии (Р. Лэнкер, Л. Талми, Е.В. Рахилина и др.).

В современной лингвистике во многих подходах, в особенности когнитивных, предикативность часто рассматривается в рамках отношений семантических компонентов, между которыми усматривается связь типа «фон — фокус», или «невыделенное — выделенное (салиентное)». В этом смысле предикативность является одним из способов реализации механизма фокусирования наряду с другими способами, такими как прагматическая салиентность, лексическая салиентность (например, с помощью использования имен собственных, имен с конкретной референцией, стилистически маркированных слов, неопределенного артикля), синтаксическая салиентность (например, при помощи рематизации, инвертирования вводной конструкции в препозиции, вынесения субъекта предложения в постпозицию по отношению к предикату, агентивности конструкции). Возможность измерения языковых проявлений любого уровня с помощью единого инструмента и терминологии — терминологии фокусирования и дефокусирования — мы считаем важной вехой развития лингвистического описания, так это позволило рассматривать на единых основаниях манифестации нескольких уровней языка. В когнитивной лингвистике такой подход отражен, прежде всего, в концепциях прототипической организации категорий [1] и концепции динамики сил [2], в том числе применительно к дискурсивному анализу [3].

САЛИЕНТНОСТЬ ОККАЗИОНАЛЬНОГО НЕПРЯМОГО НАИМЕНОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ОПИСАНИЯ

Вопрос о корреляции синтаксических и лексико-семантических фокусов применительно к неидентифицирующим, в нашем случае, непрямым номинативным проявлениям, неоднократно становился предметом обсуждения. Исследователи обращают внимание на разные семантические особенности номинаций, которые могут повлиять на выбор синтаксической позиции для их оформления; чаще всего в качестве таких номинативных единиц рассматривались отглагольные или атрибутивные номинации как демонстрирующие внутреннюю предикативность [4—6]. Зависимость тема-рематического распределения (и типа синтаксического фокуса предложения) от типа референциальной отнесенности единицы получила описание во многих синтаксических исследованиях, например, в концепции «отслеживания референтов» [7], а также в концепции «иерархии данности» [8].

В данных концепциях постулируется факт градуальности салиентности языковой единицы в зависимости от синтаксической данности и референциальной данности; в результате разграничиваются референт в фокусе, активированный референт, знакомый референт, уникальный референт, конкретный референт, неконкретный референт.

Схожие типологии зависимостей референциальной отнесенности и синтаксического статуса референта мы находим и в отечественных синтаксических концепциях референциального статуса Е.В. Падучевой, С.А. Крылова, Н.Д. Арутюновой, где именно на основе синтаксической позиции языковой единицы разграничиваются референтные и нереферентные группы. Связь между определенностью («индивидуализированностью») имени и ее положением в субъекте или предикате предложения констатировал П. Адамец, отмечая, что «компоненты с высокой степенью индивидуализированности гораздо менее часто объединяются с глаголами в комплексное ядро, чем существительные с низкой степенью индивидуализированности» [9. С. 33]. Так, номинативные группы *брат в плаще* и *этот дом у реки* будут чаще обнаруживаться в составе предикативной группы, чем *мужчина в плаще* и *дом у реки*.

Признак определенности — неопределенности рассматривается как основной при разграничении синтаксической семантики номинаций и в работах Д.Н. Шмелева в развиваемой им вслед за А.А. Шахматовым теории полупредикативности [10]. Интерес представляют и концепции, в которых постулируется градуальный характер синтаксической салиентности применительно к именным (номинативным) группам, например, при изучении повышающей и понижающей актантажной деривации [11], возможностей синтаксического оформления субстантивной номинации [12]. Во многих концепциях при рассмотрении различающейся роли номинаций в составе предложения отмечается возможность их внутренней предикативности, «внутреннего синтаксиса» [13—15]. Так, в философии языка Г.П. Мельникова предпринимается попытка интеграции логических, психологических и коммуникативных аспектов предикативности, например, путем адаптации структуры суждения (в терминологии Г.П. Мельникова, предиканда и предикатора как двух психических образов или двух элементов знания в сознании субъекта) к логической и коммуникативной предикации, к коммуникативной и номинативной теме и реме, к цепочечной предикации в морфологическом словообразовании. Идея о расширении понятия предикативности развивается и в работах Е.С. Кубряковой о соотношении ономазиологического базиса и ономазиологического признака при «синтактикоподобном» словообразовании.

Однако интеграция непрямого текстового наименования в общую теорию салиентности с учетом возможностей разноуровневой репрезентации последней нуждается в отдельном описании, так как, с одной стороны, речь должна идти о «внутренней предикативности» непрямой номинации (введение характеризующего или классифицирующего содержания), с другой стороны, эта «внутренняя предикативность» оформляется внешней, синтаксической и текстовой, салиентностью.

Так, как показывает текстовый анализ, окказиональные непрямые номинации (т.е. такие, референциальная отнесенность которых не может быть установлена при обращении к анализу словарных дефиниций лексемы или ее корпусных значений) могут использоваться в разных синтаксических позициях, при этом во всех случаях эти позиции отличаются рематичностью. Так, в примере¹ (1) непрямые номинации находятся в реме предложений², занимая позиции ядра группы предиката и номинативной группы однокомпонентного предложения:

- (1) *Сальери — воин, а Моцарт — дитя вечной жизни. Алхимия эзотерического бунта и дар... Жрец, что забирает власть над собой у Бога, и Дух, воплощающийся под воздействием ретроспективной магии. Кристалл и пирамида. Страсть и гармония.*

В примере (2) непрягая номинация находится в комплексной реме предложения:

- (2) *Я боялся, что едва он узнает, где мои родители, как тотчас в его веселых глазах заплещется, как это бывало с другими, холодное бесстрастное море.*

Гораздо реже встречаются примеры использования непрямы окказиональных номинаций в теме-новом предложения, как в (3):

- (3) *И когда лишь рот открыл (как в песне блатной: «Ко мне нагрнула кузина из Одессы»), сама «кузина», в его рубахе на голое тело, едва прикрывавшей... да ни черта не прикрывавшей! — вылетела из квартиры, сверзлась по лестнице, как школьник на переменке, и стояла-перетаптывалась на нижней ступени.*

Будучи формально синтаксической темой, номинативная группа *сама кузина* семантической темой не является — здесь актуализируется новая характеризующая информация, поэтому мы полагаем, что такие проявления правильнее отнести к теме-новому.

Примеры с непрягой номинацией — темой встречаются только в ситуациях, когда ее непрягой характер уже является конвенциональным либо в языке, либо в рамках текста, в котором она функционирует. Так, в примере (4) номинативная группа *papa Ваня*, референтом которой является слон, определяется как конвенциональная в данном тексте — ее статус однозначно распознается в структуре текстовой ситуации:

- (4) [О слоне] *Конечно, papa Ваня служил по договору в городской пожарной команде, но его вызывали крайне редко — только когда иланги протекали и без хобота не обойтись.*

В остальных случаях, занимая позицию синтаксического субъекта или зависимых членов группы субъекта или предиката, непрягая окказиональная номинация никогда не оказывается темой, что обуславливается ее фокусной семантической ролью — в ее семантике всегда присутствует компонент, по-новому характеризующий или классифицирующий текстовый референт.

¹ Здесь и далее русскоязычные примеры приведены по Национальному корпусу русского языка.

² При описании типов тема-рематических отношений мы опираемся на типологию И.И. Ковтуновой [16].

Такая же ситуация, конечно, наблюдается и в английском языке: не прямые окказиональные номинации и номинативные группы тяготеют к рематической позиции (пример 5), позиции комплексной ремы (пример 6) или темы-нового (пример 7):

- (5) *His father in Paraguay would lack even the internal doors <...> not against robbers but against the police, **the military and the official assassins*** (G. Greene).
- (6) *All four are gone. **The three sénéchaux** and the Grand Master himself* (D. Brown).
- (7) *...some nice young woman managed to persuade the little fellow that she must look after him <...> Naturally, **the vultures** started gathering at once* (R. Dahl).

В примере (5) не прямая номинация хотя и не находится в реме первого порядка, занимая позицию приложения, однако это тем не менее синтаксически фокусная позиция. В примере (6) однокомпонентное предложение соотносится с темой предшествующего предложения, поэтому считать его ремой неверно, перед нами комплексная рема (тема — рема). В предложении (7) номинация *the vultures* находится в позиции субъекта предложения, кореферентная ей прямая номинативная группа *some nice young woman* (хотя и отличающаяся большей неопределенностью референциального статуса) уже определяется в препозиции, поэтому предложение *The vultures started gathering at once* не является комплексной ремой.

Представляется интересным установить, как синтаксические показатели оформления окказиональной не прямой номинации проявляются в разноструктурных языках (на примере русского и английского языков) и какие отличительные проявления они демонстрируют в синхронизации с разными синтаксическими позициями таких номинаций.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ НЕПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ И НОМИНАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Синтаксические возможности оформления не прямой окказиональной номинации демонстрируют большую вариативность, несмотря на кажущуюся очевидность превалирования позиции ядра предиката для таких проявлений. Как мы показали выше, даже кореферентная позиция окказиональной не прямой номинации (например, в ядре синтаксического субъекта) не является синтаксической темой, в любом случае это салиентная позиция. Важным поэтому является вопрос о способах оформления разных синтаксических позиций с участием окказиональной не прямой номинации таким образом, что все они являются салиентными. Более того, сопоставление особенностей фокусирования рассматриваемых единиц в контекстах с исходно ослабленной и выраженной предикативностью (в нашем случае речь идет о кореферентных и неререферентных использованиях не прямых номинаций) в разных языках позволяет уточнить типологические данные о строении и функционировании лексических и синтаксических категорий.

Материалом исследования стали современные художественные тексты русского и английского языков. Русскоязычные примеры отбирались по Национальному корпусу русского языка в подкорпусе художественных текстов с дополни-

тельной пометой времени издания после 1950 года. На странице поиска вводные слова были не заданы, однако в качестве параметров поиска использовалось имя существительное, параметр расстояния был снят. Из 845 документов, 589 859 вхождений обработано 219 документов (это составило 120 тысяч предложений, из которых детальному анализу подверглось более 25 тысяч), из них путем обращения к тексту одного автора только однократно на странице, выборке только одного примера со страницы было отобрано сто примеров для последующего анализа особенностей оформления разных синтаксических положений номинации. Англоязычные примеры отбирались вручную по произведениям современной прозаической литературы ввиду того, что из-за феномена конверсии корпусный поиск даже по маркеру существительного дает много «лишних» результатов и анализ в этом случае неизменно сводится к той же сплошной выборке. Было также отобрано сто примеров использования окказиональной не прямой номинации. Приведем в таблице сводные данные по частотности использования номинаций в разных синтаксических позициях в русском и английском языке.

Таблица 1

Частотность встречаемости окказиональной не прямой номинации в разных синтаксических положениях

Язык и синтаксические позиции номинации	Ядро предиката	Ядро субъекта	Однокомпонентное предложение	Приложение	Зависимые члены предиката	Обращение
Русский язык	25	12	28	9	22	4
Английский язык	33	16	13	17	20	1

Table 1

Syntactic frequency of novel figurative nominals

Language and syntactic position	Predicate nucleus	Subject nucleus	Mononuclear sentence	Apposition	Predicate group dependent members	Vocative
Russian	25	12	28	9	22	4
English	33	16	13	17	20	1

Продемонстрируем на некоторых примерах способы синтаксической реализации номинаций.

В (8а) и (8б) окказиональная не прямая конструкция обнаруживается в субъекте предложения:

(8а) *Старший вагона, сержант Оноприйчук, забайкальский сибиряка, как он себя называл, переселенец тридцатых годов с Украины в дальний край, был вял, истомлен, непривычно малоразговорчив.*

(8б) *I found him and Bill gave him some drinks and what do you think he went off with Miss P. and we didn't see either of them again it only shows into what degradation **the Demon Drink** can drag you him I mean (E. Waugh).*

Непрямой статус конструкции в (8а) достигается интеграцией областей знания НЕЙТРАЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ и ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБРАЩЕНИЕ; в (8б) это ПРЕДМЕТНОСТЬ И АНТРОПОМОРФНОСТЬ.

В (9) приведены примеры использования непрямой номинации в ядре предиката (в (9а) без использования глагола-связки в препозиции, в (9б) и (9в) с его использованием):

- (9а) *Редкую заблудшую дуру-коровёнку Сухопаный брал сразу. Исчезали шавки и шарики, но и волков развелось много. Десять лет не видали волчьего следа, и вдруг волк объявился. И много сразу — не одиночные, стаей. Шавки и шарики — **волчья**, видимо, **совесть**, а вот Николай Могилев — неизвестно чья. Мертвого, с разодранным горлом, с перебитым хребтом нашли его грибники.*
- (9б) *В конце каждого тома помещались разборные фигуры розовощекого мужчины с черными усиками и благообразной, но сильно беременной дамы с распахивающейся для ознакомления с плодом маткой. Вероятно, именно из-за этой фигуры, которая — никуда не денешься! — была **голой бабой**, он и скрывал от домашних свои исследования, боясь быть уличенным в нехорошем, присутствующем поблизости...*
- (9в) *I'm broke. My gov'nor's broke. My aunt Vera is broke. It's **a ruddy epidemic** (P.G. Wodehouse).*

В (9а) наблюдается интеграция вложенных областей знания ЖИВОТНЫЕ и ЛЮДИ через сближение компонентов данных областей ИНСТИНКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИВОТНОГО как ОСОЗНАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Конструкция *голая баба* является не прямой из-за присутствующего рассогласования областей знания НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА и БЫТОВАЯ КАРТИНА МИРА. В (9в) СОБЫТИЕ представлено как БОЛЕЗНЬ через соотнесенность компонентов ЗВЕНЬЯ ЦЕПИ СОБЫТИЯ и ЭТАПЫ БОЛЕЗНИ.

В (10) приведен пример использования номинативной конструкции в зависимом члене предиката, прямом дополнении в постпозиции к переходному глаголу:

- (10) *Начмед хозяйничал в лазарете, как у себя дома, и нельзя было ступить шагу без его домовитых попреков с понуканиями. Наверное, не родилось женищины, что могла бы осилить **это злое бабство**, отчего Институты, сколько ни вылезал из кожи вон, стараясь нравиться и девушкам, и женищинам, прозябал бесплодным холостяком.*

Номинативная конструкция *это злое бабство* является не прямой, так как она относится к референту мужского пола и конструирование происходит при интеграции областей знания МУЖСКОЕ и ЖЕНСКОЕ.

В (11) конструкция в зависимом члене группы предиката *this garbage heap* является не прямой окказиональной, означивая референт «окрестности» и фокусируя характеристику отрицательного отношения говорящего к данному месту:

- (11) *I know the neighbourhood. I even know the tricks that could make me king of **this garbage heap** (M. Spillane).*

Далее рассмотрим синтаксические проявления не прямых номинаций в приложении и однокомпонентных предложениях.

Прежде всего отметим, что сами приложения также являются либо членами группы субъекта, либо предиката. В русскоязычных примерах это 5 и 4 примера; в англоязычных — это 10 и 7 примеров соответственно.

В (12а) и (12б) приведены примеры использования не прямой номинативной конструкции в приложении:

(12а) *«Вы не знаете этих русских, они не сдадутся...», или: «...он вам все равно ничего не скажет, этот Иван...».*

(12б) *She could see him now — the tallish narrow figure in khaki slacks and dark-green sweater (R. Dahl).*

Сравнительно более высокое количество использований не прямых номинаций в приложениях в англоязычном материале может свидетельствовать в пользу того, что такой прием, с одной стороны, отвечает прагматическим установкам фокусирования информации окказиональной не прямой номинации, с другой стороны, это удобная по некоторым причинам конструкция именно для английского языка. В действительности, возможный (вместо приложения) субститутивный вариант введения не прямой номинации в составе зависимых членов двусоставного предложения (ср. *She could see the tallish narrow figure in khaki slacks and dark-green sweater*) без прямого означивания референта в препозиции затруднит его распознавание читателем. Отказ от введения дополнительного двусоставного предложения *He was (seemed) a tallish narrow figure in khaki slacks and dark-green sweater* может быть объяснен стремлением к монорематичности вместо более нормативной темарематической структуры предложения, что делает такую конструкцию более салиентной.

Таким образом, приложение для оформления окказиональной не прямой номинации в английском языке оказывается оптимальным средством в плане салиентности и рематичности, референциальной ясности и компрессии информации. В русском языке помимо приложений такую роль более успешно играют однокомпонентные предложения, которые составляют большую часть всех обнаруженных примеров использования окказиональных не прямых номинаций и номинативных комплексов.

Так, в (13) в однокомпонентных предложениях обнаруживаются как отдельная не прямая номинация, так и номинативные конструкции:

(13) *Как меня все достали. В школе одни дебилы. Что учителя, что одноклассники. Гидроцефалы. Фракийские племена. Буйный расцвет дебилизма.*

Дополнительно отметим, что выявленное преобладание в русском языке однокомпонентных предложений частично обусловливается большим количеством возможностей для их оформления. Из 28 однокомпонентных предложений 6 предложений не являются номинативными (назывными) предложениями без глагола-связки; это неопределенно-личные предложения (14а) и безличные предложения (14б):

(14а) *Кто его знает, может, она и ввела в обиход это выражение, но у нас в городе до сих пор про всякую долгую болтовню говорят «ляй-ляй-конференция».*

(14б) *Тогда было много таких историй, и общих взрывов, и убийств отдельных высоких птиц.*

Как известно, для оформления назывных и неопределенно-личных предложений английский язык во многих случаях использует двусоставные конструкции, например, *It's...* в (15) при оформлении не прямой конструкции *your circus*:

(15) [О Лувре]: *This is the entrance <...> Langdon heaved a sigh and climbed out. It's your circus* (D. Brown).

Однако в отмеченных 13 случаях эта закономерность нарушена, что свидетельствует о том, что для оформления «внутренней предикативности» не прямых конструкций даже в языке с достаточно традиционным тема-рематическим построением предложения приобретают большую актуальность монорематические конструкции. Так, в (16) не прямая номинация *the Discipline*, означающая референт «орудие для самоистязаний», используется в монорематическом номинативном предложении, будучи кореферентной прямому дополнению группы предиката в предшествующем предложении:

(16) *Silas turned his attention now to a heavy knotted rope <...> The Discipline* (D. Brown).

При этом в любом случае количество однокомпонентных назывных предложений без глагола-связки или конструкции *Эмо ... / It ...* в русском языке почти в два раза превышает подобные использования в английском языке.

Также отметим, что обращений среди использованных единиц очень мало в обоих языках, что обуславливается, прежде всего, их прогностически низкой распознаваемостью, так как для обращения характерна идентифицирующая функция, а не характеризующая (что типично для непрямого наименования).

Таким образом, обнаруживаются некоторые типологические расхождения в синтаксическом оформлении окказиональных не прямых номинативных конструкций в сопоставляемых языках. Однако для анализа возможностей оформления необходим более детальный параметрический анализ синхронизации перечисленных позиций и параметров оформления номинации. Далее с помощью результатов статистического анализа, опираясь на полученные данные коэффициентов корреляции Пирсона, мы продемонстрируем значимые расхождения в их оформлении применительно к позициям ядра субъекта и ядра предиката.

СИНХРОНИЗАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ САЛИЕНТНОСТИ И ПОЛОЖЕНИЙ НОМИНАЦИИ В ЯДРЕ СУБЪЕКТА И ПРЕДИКАТА

Для составления исходного списка тестируемых параметров салиентности мы воспользовались списками показателей фокусирования и дефокусирования, приведенными, прежде всего, в работах О.К. Ирисхановой для разных языковых уровней. Например, для лексического уровня такими показателями являются использование имен собственных, неопределенного артикля, именительного падежа; для синтаксического — начало и конец предложения, инверсия, использование в односоставном предложении и др. [3]. Для дискурсивного уровня исследователь называет следующие показатели: наращивание динамики референтного события через средства фиктивного движения или фиктивного изменения, детализацию,

смену перспективы, придание большего «драматизма» через оценочную лексику, риторические вопросы, образные выражения, компрессию фрагмента дискурса через эллипсис, обобщающие фразы и др. [17. С. 201—202]. Мы также опирались на показатели кореферентности, выявленные в отечественных и зарубежных работах в отношении русского и английского языков, в первую очередь в отношении расстояния между кореферентными номинациями, наличия/отсутствия дейктических местоимений в препозиции, типа предиката и связки, типа модальности предложения [18—22; 16; 23—27].

При этом тестируемый список параметров для исследуемого типа номинаций был составлен уже в процессе анализа в ходе сопоставления проявлений прямых и непрямых номинаций, в результате чего были отобраны именно особые показатели, связанные с реализацией окказиональных непрямых номинаций. В итоге по сто русскоязычных и англоязычных примеров были обработаны по 54 и 56 параметрам (для англоязычного материала были дополнительно оценены использования артиклей), соответственно, среди которых были: 1) когнитивные параметры (наличие внутреннего и внешнего рассогласования, указатели экстероцепции в препозиции или в самой номинативной группе, тип референта, тип фокуса и др.); 2) лексические параметры (кратность введения номинации, тип атрибута в препозиции, мотивированность и др.); 3) синтаксические параметры (положение в предложении, расстояние между прямой и непрямой номинацией в словах и пропозициях, наличие инверсии, наличие предиката в препозиции, тип предиката и др.); 4) дискурсивные (маркирование, смена адресанта, текстовая роль, введение микрособытия и др.).

Далее по всей выборке были определены показатели частотности и индексы корреляции всех показаний параметров с проявлениями референтного и нереферентного статуса непрямой окказиональной номинации. Как мы упоминали выше, в качестве ядра референтной позиции мы рассматривали положение номинации в ядре субъекта, а нереферентной — в ядре предиката. То есть относительно каждого параметра корреляция определялась дважды. Статистические результаты по всем параметрам в русском языке были представлены ранее в [28; 29], в настоящей работе остановимся на типологически значимых результатах, демонстрирующих вариативность в сопоставляемых языках, русском и английском. Ниже в таблице 2 приведены результаты по коэффициентам корреляции для позиций номинации в ядре субъекта и предиката, которые обнаруживают такие расхождения. При том что статистически значимым показателем корреляции считается 0,7 и выше, в нашем случае такие показатели себя не проявили, что было достаточно очевидно; однако некоторые показатели свидетельствовали о более жесткой зависимости положений непрямой номинации и средств ее оформления. Было принято решение показатели, превышающие 0,2, условно считать относительно более жесткими (связанными с синтаксическими позициями) при оформлении окказиональных непрямых номинаций; в таблице они отмечены как более значимые.

Коэффициенты корреляции для параметров окказиональных непрямых номинаций в позиции ядра субъекта и предиката в русском и английском языках

Лексические показатели	Русский язык		Английский язык	
	Положение в ядре субъекта	Положение в ядре предиката	Положение в ядре субъекта	Положение в ядре предиката
Артикль the/this			0,1622846	-0,367573
Артикль a/one			-0,187251	0,4882954
Морфологическая мотивировка	-0,042407334	-0,045834925	0,1622846	0,2946966
Субстантивный атрибут в препозиции	0,030055654	-0,1028689	0,2200566	0,0136386
Внутреннее рассогласование	0,001663778	-0,219237129	0,353553391	-0,153093
Внешнее рассогласование	-0,11836983	0,123791013	0,166389581	-0,182524
Экстероцепция в препозиции / в номинации	0,0326422	-0,159877529	-0,03481553	-0,242884
Визуальный модус	0,02819804	-0,142910525	0,198029509	-0,201868
Моторно-двигательный модус	-0,063757671	0,036369648	-0,04950738	-0,157207
Конкретный тип референта	-0,11362336	-0,11362336	0,13937367	-0,1548998
Референт-человек	0,187744912	-0,146204623	0,277350098	-0,071724
Характеризующий фокус	0,094216259	-0,03860507	-0,03683547	0,3491328
Синтаксические показатели				
Первое слово предложения	-0,030055654	-0,36004115	0,169070778	-0,283965
Последнее слово предложения	-0,208231683	-0,089087081	-0,32357511	0,1134241
Предикат в препозиции	-0,075941762	0,034294911	-0,38063323	0,2162142
Последнее слово придаточного предложения	-0,08401084	0,171594462	-0,23294541	-0,062442
Уменьшение расстояния в словах (> 10,53 и 9,49)	-0,073797128	0,221273368	-0,141421356	0,314691
Уменьшение расстояния в пропозициях (> 1,63 и 1,21)	-0,101228882	0,240837079	-0,073127242	0,230451
Нарративные показатели				
Введение нового микрособытия	0,436579566	-0,245255736	0,4133333	-0,19245
Текстовая роль агенса	0,390811335	-0,10609829	0,5039526	-0,270499
Графическое маркирование	0,105663451	-0,224658377	0,1443376	-0,258681
Орфографическое маркирование	0,1804455	-0,215979849	0,232621053	-0,371014

Table 2

Salience parameters correlation in subject and predicate novel figurative nominals in Russian and English

Lexical parameters	Russian		English	
	Subject nucleus	Predicate nucleus	Subject nucleus	Predicate nucleus
Article the/this			0,1622846	-0,367573
Article a/one			-0,187251	0,4882954
Morphological markedness	-0,042407334	-0,045834925	0,1622846	0,2946966
Substantiated attribute in pre-position	0,030055654	-0,1028689	0,2200566	0,0136386
Inner disanalogy	0,001663778	-0,219237129	0,353553391	-0,153093
Outer disanalogy	-0,11836983	0,123791013	0,166389581	-0,182524
Exteroception in pre-position / in indirect name	0,0326422	-0,159877529	-0,03481553	-0,242884
Visual modality	0,02819804	-0,142910525	0,198029509	-0,201868
Motoric modality	-0,063757671	0,036369648	-0,04950738	-0,157207
Concrete referent	-0,11362336	-0,11362336	0,13937367	-0,1548998
Anthropomorphic referent	0,187744912	-0,146204623	0,277350098	-0,071724
Characterizing focus	0,094216259	-0,03860507	-0,03683547	0,3491328
Syntactic parameters				
Sentence initial	-0,030055654	-0,36004115	0,169070778	-0,283965
Sentence final	-0,208231683	-0,089087081	-0,32357511	0,1134241
Predicate in pre-position	-0,075941762	0,034294911	-0,38063323	0,2162142
Subordinate clause final	-0,08401084	0,171594462	-0,23294541	-0,062442
Co-reference word distance non-exceeding 10,53 (in Russian) and 9,49 (in English)	-0,073797128	0,221273368	-0,141421356	0,314691
Co-reference propositional distance non-exceeding 1,63 (in Russian) and 1,21 (in English)	-0,101228882	0,240837079	-0,073127242	0,230451
Narrative parameters				
New micro-event introduction	0,436579566	-0,245255736	0,4133333	-0,19245
Agentive event role	0,390811335	-0,10609829	0,5039526	-0,270499
Graphic marking	0,105663451	-0,224658377	0,1443376	-0,258681
Orthographic marking	0,1804455	-0,215979849	0,232621053	-0,371014

Отметим ожидаемо более высокое количество связанных параметров в английском языке, чем в русском (21 и 10), что обусловлено морфологической структурой языка и дополнительно свидетельствует в пользу целесообразности и значимости применяемого метода анализа как способного раскрыть типологические особенности сопоставляемых разноструктурных языков.

К числу параметров, демонстрирующих типологически значимые различия в оформлении окказиональной непрямой номинации в субъекте предложения в английском языке по отношению к русскому языку, отнесем: 1) использование

субстантивного атрибута в препозиции, 2) положение в последнем слове предложения с участием инверсии с предикатом в препозиции. Для позиции в предикате характерно: 1) использование морфологически мотивированных непрямых номинаций, 2) наличие выраженной экстероцепции в номинации, 3) проявление характеризующего фокуса (т.е. использование метафоры), 4) неагентивность референта в предикате, 5) сниженную орфографическую маркированность номинативного предиката.

Рассмотрим подробнее некоторые из отмеченных параметров.

В отношении позиции субъекта наличие субстантивного атрибута в препозиции очевидно помогает распознать референцию окказиональных непрямых номинаций, как в (17):

(17) *Margie didn't want Sara on her team. Margie called out, "Here comes **the human garbage pail!**"* (A. Faber, E. Mazlish)

При этом для субъекта типична позиция в постпозиции к предикату, что из тема-рематической структуры предложения позволяет сделать монорематическую и обеспечить большую салиентность непрямой номинации.

Для позиции предиката характерно сохранение мотивированности формы, часто исходно глагольной, как в (18):

(18) *Doctor's Saavedra's book proved **a good sedative*** (G. Greene).

Салиентность повышается в случае экспликации канала экстероцепции, например, в (19), где в препозиции есть показатель визуальной модальности:

(19) *His eyes stopped short on an unexpected object lying on the floor <...> "Is that... **a Caravaggio** on the floor?"* (D. Brown).

Для позиции предиката в большинстве случаев характерна роль экспериментера, как в (20):

(20) *Where was she now, Samantha? <...> She is **a nympho bird** all right, I told myself* (R. Dahl).

Особый интерес вызывает типологически значимое различие в использовании метафор (характеризующий фокус) и метонимий (классифицирующий фокус) в русском и английском языке.

Вопреки господствующему в лексической и синтаксической семантике мнению о том, что в позиции предиката используются преимущественно метафоры, т.е. номинации с характеризующим фокусом (см., например, в [Арутюнова 1978, 1990]), анализ корреляций типов фокусов и позиций номинации не подтверждает это мнение на материале русского языка.

Так, в (21) использование метафоры для означивания образа с характеризующим фокусом в субъекте становится возможным благодаря инверсии субъекта и предиката и рематизации субъекта, что позволяет сделать более распознаваемым сложный для интерпретации фокус:

(21) *Леон вздохнул, расплылся в улыбке блаженного кретина, развел руками и сказал: — Исадора... это моя любовь. И та уважительно и сердечно отозвалась: — Поздравляю, месье Леон! — словно перед ней стояли не **два обезумевших кролика**, а почтенный свадебный кортеж.*

Во многих случаях в комплексной реме с участием субъекта в постпозиции к предикату участвует номинация, означающая смешанный характеризующий и классифицирующий фокус (метафтонимия), как в (22), где номинации *Восток и Запад* означают одновременно результат метафорического конструирования (модель ЧЕЛОВЕК — КУЛЬТУРА) и метонимического конструирования (модель ЧЕЛОВЕК — НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА) образа.

- (22) — *Я понял, в чем дело, — сказал он, — у вас иерархическое кавказское сознание. А у меня европейское. Для вас очевидно: раз вы старше меня, я должен был уступить вам деревянную кровать. А у меня, как у человека европейского сознания, главное — равенство шансов. Вот где столкнулись **Восток и Запад!***

В отличие от русского языка, в английском языке метафора действительно тяготеет к позиции предиката в связи с более ограниченными возможностями инверсии субъекта и предиката, как в (23), что проявляется в более высоком коэффициенте корреляции:

- (23) *Sophie Neveu's odd interruption, though unfortunate, had been only a **minor wrinkle*** (D. Brown).

В то же время для позиции субъекта в препозиции к предикату более типично использование метонимии, как в (24):

- (24) *The gun came up and **Nat's face** said it was the right time and the right place* (M. Spillane).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, нам удалось продемонстрировать, что оформление окказиональной номинации имеет свои особенности в сопоставляемых разноструктурных языках, русском и английском, которые связаны не только с типологическими характеристиками номинативных или предикативных групп в целом, но и с особыми характеристиками, обусловленными концептуальной семантикой окказионального непрямого наименования. Их актуализация вызвана необходимостью выдвижения фокуса непрямого наименования, что достигается салиентностью всей номинативной конструкции; при этом разные типы фокуса будут оформляться по-разному, что очевидно нацелено на облегчение их последующей интерпретации и распознавания читателем. Типологические различия касаются как самих синтаксических позиций, участвующих в оформлении окказиональных не прямых номинаций, так и отдельных параметров (лексических, синтаксических, нарративных), которые синхронизируются с рассмотренными позициями синтаксического субъекта и предиката в русском и английском языках.

© Киосе М.И.

Дата поступления: 09.10.2018

Дата приема в печать: 26.11.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Rosch E.* Principles of categorization // *Cognition and categorization*. Hillsdale, NY: Lawrence Erlbaum Publishers, 1978. P. 27—48.
2. *Talmy L.* Toward a cognitive semantics. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2000. Vol. 1. Concept structuring systems.
3. *Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
4. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М.: URSS, 2008 (1978).
5. *Ирисханова О.К.* О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Издательство ВТНТИ, 2004.
6. *Арутюнова Н.Д.* Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка). М.: Языки славянских культур, 2007.
7. *Foley W.A., Van Valin R.D.Jr.* Functional syntax and universal grammar. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1984.
8. *Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R.* Cognitive Status and the form of referring expressions in discourse // *Language*, 1993. Vol. 69. P. 274—307.
9. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Praha: Academia, 1966.
10. *Шмелев Д.Н.* Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002.
11. *Храковский В.С.* Повышающая актантная деривация // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: сб. статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 44—53.
12. *Буров А.А.* Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Ставрополь, Пятигорск: Издательство Ставропольского государственного университета, 2012.
13. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
14. *Мельников Г.П.* Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики // *Вестник РУДН. Серия Лингвистика*. М., 2003. no 4. С. 5—14.
15. *Сигал К.Я.* Проблемы теории синтаксиса. М.: ИД Ключ-С, 2012.
16. *Ковтунова И.И.* Структура художественного текста и новая информация // *Синтаксис текста*. М., 1979. С. 262—275.
17. *Ирисханова О.К.* К вопросу об измерении динамики нарратива // *Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова*. М.: Культурная революция, 2018. С. 192—215.
18. *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
19. *Падучева Е.В.* О денотативном статусе именных групп в предложении // *Ученые записки Тартуского университета*. Вып. 519, 1980. С. 48—81.
20. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. логико-семантические проблемы. М.: Едиториал УРСС, 2005 (1976).
21. *Арутюнова Н.Д.* Синтаксические функции метафоры // *Известия АН СССР. Серия лит. и яз.* 1978. Т. 37. С. 251—262.
22. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс [Вступ. статья] // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 5—32.
23. *Доннеллан К.С.* Референция и определенные дескрипции // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 134—160.
24. *Шмелев А.Д.* О референции агентивных существительных // *Филологические науки*, 1983. Вып. 4. С. 39—46.
25. *Крылов С.А.* Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // *Семиотика и информатика*. Вып. 23, 1984. С. 124—154.
26. *Шатуновский И.Б.* Семантика предложения и нереферентные слова (Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

27. Kibrik A.A. Cognitive inferences from discourse observations: reference and working memory // *Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference* / Eds. K. van Hoek, A. A. Kibrik, L. Noordman, 1999. P. 29—52.
28. Киосе М.И. Факторы успешной интерпретации кореферентных не прямых номинаций: когнитивный анализ — статистика — эксперимент // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2018а. Вып. 3. С. 16—26.
29. Киосе М. И. «Удачная интерпретация» текстовой образности // *Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. ст. к 70-летию В.З. Демьянкова*. М.: Культурная революция, 2018б. С. 290—315.

УДК: [811.161.1:811.111]'367:81'44

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-25-42

THE SYNTAX OF NOVEL FIGURATIVE NAMES IN RUSSIAN AND ENGLISH: TYPOLOGICAL ASPECT

Maria I. Kiose

Moscow state Linguistic University
38, Ostozhenka str., Moscow, Russia, 119034

Abstract. The study reveals the syntactic features of novel figurative names and nominal constructions in texts in application to typologically different Russian and English languages. The data obtained helped to clarify the role of predication in salience enhancement, which encompasses novel figurative names construal. We conducted the two-staged contrastive analysis, which allowed to detect several specific parameters and synchronization means demonstrating the typological diversity of the two languages. As it is the salience that serves as one of the basic factors of successful reference identification in terms of implicitness and figurativeness, the research results will play a role in explaining why indirect names are interpreted differently. At the first stage we applied the statistical analysis to detect typologically relevant characteristics of syntactic positioning in terms of novel figurative names and nominal constructions. At the second stage we developed the procedure of 54 and 56 parameter correlation analysis to synchronize the lexical, syntactic and narrative parameters with figurative names in subject and predicate positions. These correlations revealed a group of parameters activated in the English language and restricted in Russian. The subject salience parameters involve the use of substantiated attribute in pre-position, sentence final position with predicate in pre-position. The predicate salience parameters were hybrid morphological character of predicate indirect names, explicit exteroception in pre-position or in the name itself, characterizing focus of indirect names (metaphoric transfer). At the same type due to syntactically salient predicate position such indirect names could allow non-agentive event role and orthographic non-markedness.

Key words: novel figurative name, syntactic positions, salience, parametrization, Russian and English languages

REFERENCES

1. Rosch, E. (1978). Principles of categorization. *Cognition and categorization*. Hillsdale, NY: Lawrence Erlbaum Publishers. pp. 27—48.
2. Talmy, L. (2000). Toward a cognitive semantics. *Concept structuring systems, 1*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
3. Iriskhanova, O.K. (2014). Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: Languages of Slavonic culture. (In Russ.).

4. Kubryakova, E.S. (2008; 1978). Parts of speech in onomasiological exposure. Moscow: URSS. (In Russ.).
5. Iriskhanova O.K. (2004). On the linguo-creative human activity: deverbative nouns. Moscow: VTII Publishing House. (In Russ.).
6. Arutunova, N.D. (2007). Morphological issues of word-derivation (in Spanish). Moscow: Languages of Slavonic culture. (In Russ.).
7. Foley, W.A. & Van Valin R.D., Jr. (1984). Functional syntax and universal grammar. Cambridge, England: Cambridge University Press.
8. Gundel, J.K., Hedberg, N. & Zacharski, R. (1993). Cognitive Status and the form of referring expressions in discourse, *Language*, 69. pp. 274—307.
9. Adameč, P. (1966). Word order in modern Russian. Praha: Academia. (In Russ.).
10. Shmelev, A.D. (2002). Selected works on the Russian language. Moscow: Languages of Slavonic culture. (In Russ.).
11. Khrakovskij, V.S. (2010). Upgrade actants' derivation. In *Language and culture space: Sound, sign, sense: collected articles in honor of V.A. Vinogradov's 70th anniversary*. Moscow: Languages of Slavonic culture. pp. 44—53. (In Russ.).
12. Burov, A.A. (2012). Substantive syntactical nomination in Russian. Stavropol', Pyatigorsk: Stavropol' State University Publishing House. (In Russ.).
13. Kubryakova, E.S. (1981). Types of linguistic meanings. Semantics of a derived word. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Mel'nikov, G.P. (2003). Systemic linguistics and semiotic basis to solve semantic issues // *Vestnik PUDN. Series Linguistics*, 4, 5—14. (In Russ.).
15. Sigal, K.Ya. (2012). Syntactic theory issues. Moscow: Kluch-S Publishing House. (In Russ.).
16. Kovtunova, I.I. (1979). Structure of a literary text and new information In *Textual syntax*. Moscow. pp. 262—275. (In Russ.).
17. Iriskhanova, O.K. (2018). On the topic of the dynamics to measure narrative In *Language images and discourse curve. Collected scientific-research articles in honour of V.Z. Demyankov's 70th anniversary*. Moscow: Cultural revolution. pp. 192—215. (In Russ.).
18. Paducheva, E.V. (1974). On semantics of syntax. Moscow: Nauka. (In Russ.).
19. Paducheva, E.V. (1980). On the denotative status of nominal groups of sentences, *Scholarly notes of the Tartu University*, 519, 48—81. (In Russ.).
20. Arutunova, N.D. (2005; 1976). Sentence and its meaning: logic and semantic issues. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
21. Arutunova, N.D. (1978). Syntactical functions of a metaphor. *Izvestiya AN SSSR. Series literature and language*, 37, 251—262. (In Russ.).
22. Arutunova, N.D. (1990). Metaphor and discourse [Introduction]. In *Theory of metaphor*. Moscow: Progress. pp. 5—32. (In Russ.).
23. Donnellan, K.S. (1982). Reference and definite descriptions. In *Novoye v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow: Progress. Vol. 13. pp. 134—160. (In Russ.).
24. Shmelev, A.D. (1983). On the reference of agent nouns. *Filologicheskiye nauki*, 4, 39—46. (In Russ.).
25. Krylov, S.A. (1984). Determination of nouns in Russian: theoretical issues, *Semiotics and Informatics*, 23, 124—154. (In Russ.).
26. Shatunovskij, I.B. (1996). Semantics of a sentence and non-referential words (Meaning. Communicative perspective. Pragmatics). Moscow: Studies of “Languages of the Russian culture”. (In Russ.).
27. Kibrik, A.A. (1999). Cognitive inferences from discourse observations: reference and working memory. *Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference*, / K. van Hoek, A.A. Kibrik, L. Noordman (Eds.). pp. 29—52.

28. Kiose, M.I. (2018). Factors of effective interpretation of indirect co-referential nominations: cognitive analysis — statistics — experiment, *Issues of cognitive linguistics*, 3, 16—26. (In Russ.).
29. Kiose, M.I. (2018). "Effective interpretation" of textual imagery. In *Language images and discourse curve. Collected scientific-research articles in honour of V.Z. Demyankov's 70th anniversary*. Moscow: Cultural revolution. pp. 290—315.

Для цитирования:

Киосе М.И. Синтаксические характеристики окказиональных не прямых номинаций в русском и английском языках: типологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 25—42. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-25-42.

For citation:

Kiose, M.I. (2019). The syntax of novel figurative names in Russian and English: typological aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 25—42. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-25-42.

Сведения об авторе:

Киосе Мария Ивановна, доктор филологических наук, доцент, ведущий сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета; *научные интересы*: лексическая семантика, контекстная семантика, не прямая номинация в языке и тексте; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru.

Information about the author:

Maria I. Kiose, Doctor of Philology, assistant professor, Moscow State Linguistic University, leading researcher at the Centre for socio-cognitive discourse research; *research interests*: lexical semantics, contextual semantics, indirect nomination in language and text; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru.